

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 93/94

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 1950–1990-х гг.: МЕТОДОЛОГИЯ, ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ, ИСТОЧНИКИ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР, ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (14–15 ИЮНЯ 2019 г.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00269

14–15 июня 2019 года на базе Вологодского государственного университета состоялся методологический семинар, посвященный исследованию трансформации российского общества 1950–1990-х гг. Участники семинара обсудили проблемы методологии вопроса, понятийного аппарата, источникового комплекса, необходимо для проведения исследований. В методологическом семинаре приняли участие 25 человек, среди которых преподаватели Вологодского государственного университета (д-р ист. наук М.А. Безнин, д-р ист. наук Т.М. Димони, канд. ист. наук С.Г. Карпов, канд. ист. наук А.С. Столетова, д-р экон. наук О.В. Кошко, д-р филос. наук Н.А. Ястреб, канд. ист. наук Р.А. Малахов), Института российской истории РАН (д-р ист. наук В.В. Кондрашин), Вологодского научного центра РАН (д-р экон. наук Т.В. Ускова), Вологодского института права и экономики ФСИН России (д-р ист. наук А.Л. Кузьминых), Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (канд. ист. наук И.В. Кометчиков), Липецкого филиала Финансового университета (канд. ист. наук И.В. Логунова), ООО «Русинтехком» (д-р экон. наук К.А. Гулин), Вологодского колледжа связи и информационных технологий (канд. ист. наук А.И. Трофимова). Ниже публикуется обзор основных выступлений на семинаре.

Советское общество, вторая половина XX века, трансформация, методология изучения.

М.А. Безнин

(Вологодский государственный университет)

О понятиях в исследовании трансформации российского общества 1950–1990-х гг.

Формирование новой концепции социально-экономического строя СССР неразрывно связано с необходимостью разработки нового понятийного аппарата, уточнением трактовки имеющейся терминологии. Ракурс старой понятийно-идеологической матрицы невозможно приспособить к изучению круга проблем, выходящих за рамки задач советской исторической науки – количественного подтверждения определенных партийно-государственными документами преимуществ социализма (или критики его отдельных «недостатков»). Адекватный новый терминологический аппарат к тому же должен соответствовать общепринятой в мире научной терминологии, выраженной в классических, применительно к социально-экономической истории, терминах. Ни в одной стране мира, кроме СССР, не шла, например, речь о существовании «основных фондов» народного хозяйства. Классическим термином был термин «капитал». К этому термину, прежде всего, и необходимо вернуться, рассматривая генезис социально-экономической эволюции СССР.

Советская политэкономия, признавая капитал как затраты живого и прошлого труда, воплощенного в средствах производства, считала, что они могут быть «капиталом» только при частной собственности на эти средства и при товарно-денежном характере экономических отношений. Эта традиция сложилась в середине 1930-х гг. В первом издании «Большой советской энциклопедии» указывалось: «Фонды народного хозяйства СССР... принципиально отлича-

ются от основного капитала в капиталистическом хозяйстве», где «средства труда служат средством эксплуатации». На наш взгляд, капитал в СССР сохранял экономическую сущность, то есть был ресурсом, возвращенным в производство и используемым для получения прибыли. Более того, сохранение и при «социализме» сущностных качеств капитала, предопределявших общественные отношения, в итоге привело к формированию прежде всего из управленцев (представлявших эту государственную собственность) слоя будущих приватизаторов. Подтверждает характер основного производственного ресурса 1930–1980-х гг. как капитала то, что он был «лакомым куском» и частым объектом незаконного присвоения. Он виделся классам, стремящимся к полному обладанию капиталом, как главный источник наращивания своей значимости и благосостояния.

Формирование и развитие советского «социализма» происходило путем государственной капитализации. **Капитализация** – сложный процесс качественных изменений, характеризовавшийся радикальным переустройством производства, при котором «прошлый труд» (капитал) становился решающим фактором экономики, в себестоимости, в частности, аграрного продукта основное место занимала промышленная составляющая, товаризация охватывала средства производства, рабочие руки и продукт труда.

Государственный капитализм большинством авторов определяется как строй, в котором государство выступает в роли ведущего предпринимателя, располагается прибылью. Многими экономистами отмечалось, что госкапитализм – строй, реализующийся в целях ускорения развития страны, часть из них связывают государственный капитализм в СССР с процессом накопления капитала (например, П. Тейлор).

Американские экономисты С. Реснич и Р. Волф утверждают, что в обществах советского типа государственный капитализм был связан с огосударствлением хозяйства, деятельностью господствующего класса капиталистов (государство) по извлечению прибавочной стоимости, эксплуатацией рабочего класса и перераспределением прибавочного продукта в пользу конечных потребителей и самого себя. Представления о государственном капитализме, его критериях, особенностях в разных странах, в том числе в СССР, разнообразны и порой противоречивы.

По нашему мнению, **капитализм** – это такое устройство социально-экономической жизни общества, при котором капитал (прошлый труд) становится главным фактором производства по отношению к живому труду, а основная социальная градация общества предопределяется местом в отношениях реализации права собственности на средства производства. **Государственный капитализм**, являясь разновидностью капиталистической системы, характеризуется отсутствием локализации полного права собственности на средства производства в руках отдельных индивидов, разделенностью этого права отчасти между социальными классами, с сосредоточением основных прав владения, распоряжения и пользования в руках высшего класса – по сути, протобуржуазии. При этом вторичные признаки капиталистического устройства (механизмы товаризации, прогнозно-плановые рычаги, методы балансировки) могут серьезно отличаться от классического индивидуализированного капитализма.

Под **государственной капитализацией** мы понимаем способ перехода от общества натуральных и полунатуральных домохозяйств к обществу с господством товарного производства, где решающую роль играют «государственная» собственность и реализующие ее собственники.

В процессах капитализации коренным образом менялись **механизмы эксплуатации**. Суть этих изменений состояла в переходе от внеэкономических (повинностных) механизмов эксплуатации к экономическим («зарплатным», монетарным).

Основной внеэкономического принуждения была **система повинностей (принудительных обязательств в пользу государства)**. «Тягловые» обязательства земледельцев – колхозных дворов – стали основой существовавшей в 1930–1950-е гг. системы государственных повинностей населения. По форме система повинностей напоминала возврат к архаичным механизмам эксплуатации феодального (аграрного) общества (оброку и барщине). Но по сути повинности в период 1930–1950-х гг. выполняли важнейшие экономические функции. Через эту систему происходило формирование капитала промышленного уклада города и наиболее модернизированных сельских укладов. Модернизирующая роль повинностной системы проявлялась и в товаризации (отчуждении) продукции сельского хозяйства и труда, хотя и происходившей на принудительной основе. И это было одной из ярчайших особенностей становления российского госкапитализма.

Разделенное право собственности – ключевое явление в советском социально-экономическом устройстве, коренным образом отличающее госкапитализм от

классического капитализма, при котором более-менее полное право реализуется конкретным субъектом (собственником). При госкапитализме право собственности было рассредоточено не горизонтально (в виде совокупности полноправных собственников), а вертикально – между представителями разных «этажей» правообладателей собственности на средства производства.

Товаризация. Задачи развития государственного капитализма в СССР решались через другую (по сравнению с «классическим» капитализмом) систему товаризации, включавшую значительный арсенал внеэкономических методов регулирования, неэквивалентных цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства и др. Подобные механизмы позволили товаризировать аграрную продукцию (через становление вынужденной товарности), обеспечить город человеческими, продовольственными ресурсами, а промышленность – необходимыми объемами капиталовложений.

Раскрестьянивание представляется универсальным феноменом, затрагивающим крупные хозяйственные пласты жизни, формирование рынков, изменения общества в политическом и ментальном планах и др. «Внешнее» раскрестьянивание (миграция) – прямое выталкивание из крестьянской среды, из деревни в результате подрыва воспроизводства двора, «внутреннее» раскрестьянивание – процесс перерождения крестьянства, приобретения новых характеристик занятыми в сельском хозяйстве. Параллельно происходит **секуляризация сознания**.

Социальная революция – глубокие качественные изменения социальной структуры общества, неразрывно связанные с коренным переворотом в экономических, политических, культурных институтах. При этом им обязательно сопутствует классовый конфликт. Непосредственно социальная революция является не одномоментным явлением, она может быть растянута во времени на несколько десятилетий, результаты ее проявляются поэтапно. В этом особенность процесса революционных изменений социума. Процесс социальной революции связан с отмиранием старой социальной структуры, становлением новых классов. Так как это довольно длительный процесс, он происходит путем многочисленных социальных трансформаций.

Социальный класс. В современном общественном знании под социальными классами понимаются большие группы людей, которые обладают сходными социально-экономическими статусами. Ряд авторов (в основном марксистской ориентации) подчеркивают, что основным фактором разделения на классы является отношение к средствам производства. Другие авторы, следуя традиции М. Вебера, выделяют такие факторы, как политическая власть, стиль жизни, престиж, идентификации и т.д. Категория «социальный класс» удачно аккумулирует оба эти подхода и применима для изучения истории социальных процессов в СССР второй половины XX века.

Советская **протобуржуазия** – класс, связанный с растущими возможностями по частичной реализации прав собственности, обусловленной непосредственным местом в управленческой системе и влекущей в итоге включение в процесс накопления капитала.

Система разделенного права собственности не давала возможности высшему классу СССР трансформироваться в полного собственника, т.е. сдерживала его на позициях протокласса.

В.В. Кондрашин

(Институт российской истории РАН)

О теоретико-методологических основах изучения аграрной истории России XX века

История России XX в. еще не изучена должным образом, особенно послевоенная история. Основной массив источников по этому периоду засекречен. Я считаю, что нужно изучать не только отдельные аспекты источников, накапливать знания, необходимо факты осмысливать. Теоретическое осмысление советской истории с использованием разных подходов должно основываться на хорошей источниковой базе.

Теоретико-методологическое осмысление истории России XX в. происходит постепенно. Американский историк М.Л. Левин в книге «Советский век» попытался теоретически осмыслить исторический путь России в прошлом столетии (работа переведена на русский язык). Книга издана на многих языках, французском, английском, она явилась итогом многолетних изысканий. В работе выдвигается идея о государственном капитализме. Название «социализм» было лишь внешней характеристикой, а на деле являлось другим процессом. М.Л. Левин в своей книге опирался на идеи В.И. Ленина, так же как и в своих трудах М.А. Безнин и Т.М. Димони. Он назвал то, что происходило в экономике государственным капитализмом, но не социализмом, поскольку социализм как теоретическая концепция подразумевает подлинное народовластие, которого не было.

Дальше нужно вспомнить В.П. Данилова, который назвал Л.Д. Троцкого вдохновителем идей И.В. Сталина. То, что происходило в Советском Союзе в данный период, – это процесс перерождения партийной номенклатуры. Советская система стала бюрократическим государством, которым правил не народ, не рабочие, не крестьянство, а бюрократия, сосредоточенная в партийных органах, в хозяйственных структурах. Левин говорил, что директора заводов и министры были готовыми руководителями корпораций в случае приватизации, которая произошла. Идея трансформации советского общества и советской экономики связана с изучением предпосылок и корней этого. В связи с этим можно говорить о государственном капитализме и бюрократическом государстве в СССР. Было изобретено понятие «реальный» социализм, «развитой», но по сути своей все процессы, которые происходили, были аналогичны тем, которые мы связываем с капитализмом. Отмечу, однако, что марксистский подход жестко детерминируется экономически, я сторонник того, что историю делают люди.

В действительности в истории все было гораздо сложнее. Здесь нужно сказать о крестьянстве и народе как субъекте, а не как об абстрактной категории, которая была объектом воздействия и от которой ничего не зависело, которая была обречена на горькую судьбу. На самом деле, когда изучаешь конкретную историю, то начинаешь понимать, что те же процессы,

которые выглядят, как закономерные, неизбежные, объективные, в действительности таковыми не являлись. Приведу конкретный пример, касающийся революции 1917 года. Есть мнение, что была хорошая программа Временного правительства, что черный передел, уничтожение зачатков рыночной экономики было нецелесообразно. Крестьянам нужно было подождать, чтобы не расплачиваться за эту революцию и поддержку большевиков. В 1917 году крестьяне захватили и поделили землю, и никто не смог с ними совладать. Время коллективизации было хуже военного коммунизма, и последствия были страшные, миллионы тружеников умирали от действий власти. Чисто технически это связано с одним вопросом: почему крестьяне смогли захватить землю и создать комфортные условия для прихода к власти большевиков? Крестьяне были вооружены, у власти этого оружия не было, а армия была крестьянская. Почему махновщина возникла на Украине? Или антоновцы? Оказывается, если технически смотришь на эти вещи, то причина кроется в наличии у крестьян оружия. Махновцы целый год воевали с австрийцами, к приходу красных это были вооруженные, боеспособные, крестьянские отряды участников Первой мировой войны – попробуй отними у них оружие. Антоновцы захватили целый эшелон с оружием у чехов. Западно-сибирское восстание – все охотники, у всех дробовики, все участники войны с оружием. Далее, мы стали изучать историю НЭПа и действия власти в данный период, накануне коллективизации. Кстати, почему были подавлены крестьянские восстания? Крестьяне поделили землю, им уже не хотелось воевать, а власть, даже имея небольшие вооруженные отряды, но хорошо подготовленные, может успешно воевать с любыми крестьянскими движениями. И власть это делала и всегда добивалась результата. Все годы НЭПа, по документам ОГПУ это видно, в деревне изымали оружие. И к моменту начала коллективизации в деревне не оказалось оружия, не оказалось вожаков, которых раскулачивали. Толпы недовольных женщин или активистов, что они могли сделать против мобильных отрядов ОГПУ? Ничего. Иными словами, была политика власти, которая обеспечивала повиновение крестьян.

Когда речь идет, что настоящая революция произошла в период коллективизации, если это рассматривать как какой-то переломный момент, то это, конечно, правильно. С другой стороны, если речь идет о 1917 годе, там была общинная революция, которая уничтожила частную собственность, прежнюю систему хозяйственной жизни деревни, крупное помещичье землевладение. Поэтому сомневаться в том, что революция в деревне была, нельзя, это противоречит конкретным фактам, которые все знают. Моя основная мысль сводится к тому, что, когда изучаем экономические и социально-экономические процессы, мы должны понимать, что эти процессы происходили не сами по себе, они осуществлялись людьми, это была борьба крестьянства и власти, притом драматическая.

Когда произошла коллективизация, нельзя думать, что все было гладко. 1932 г. и 1933 г. – это полный хаос, крах, страшный голод. Это ситуация, когда никто не думал, что можно провести посевную в ос-

новых зерновых районах, что творилось на Украине, в Поволжье и Казахстане и так далее. И вот власть, чтобы выйти из этой ситуации, создает чрезвычайные органы, мобилизует в деревню лучшие силы, дает им полномочия и ресурсы. И с помощью этой политики ситуация вырывается, и колхозно-совхозный строй утверждается. Это происходит не автоматически, а благодаря конкретной политике, которую нужно знать и изучать. Альтернативы были всегда, они не могли осуществляться автоматически, их всегда осуществляла власть в результате противодействия или сотрудничества с крестьянством. То есть история должна быть живой и интересной, связанной не только с изучением понятий, но и с самой жизнью. Здесь есть и проблемы социальной психологии, власти и субъективного и внешних факторов. В коллективизации большую роль сыграл внешний фактор, по всем документам видно, что военные будоражили власть и требовали срочных мер по перевооружению и перевооружению Красной армии. Польская армия в конце 1920-х была сильнее Красной армии. На Дальнем Востоке – конфликт КВЖД и Япония, Маньчжурский инцидент, внешний фактор давил. Попытка осмысления истории должна идти в рамках разных подходов, не может быть одного универсального. Тот подход, который предлагается в Вологде, помогает понять суть экономических процессов, суть развития самой экономики. Но если в целом объяснять всю историю России XX в. и судьбы России даже в рамках теории модернизации, нужно, конечно, посмотреть более широко и использовать другие подходы, которые, как мне кажется, будут полезны для уточнения, и более убедительные аргументации даже в рамках теории капитализации и первоначального накопления капитала как основы для дальнейшего развития нашей страны, уже современных событий.

Т.М. Димони

(Вологодский государственный университет)

Первоначальное накопление капитала в советской России

Процесс первоначального накопления капитала перманентно оказывался в эпицентре обсуждения, как в политической мысли, так и в осмыслении историков. Однако в целом все сходились во мнении, что он шел за пределами советского времени. Советская и постсоветская общественная наука знает несколько периодов повышенного интереса к проблеме первоначального накопления капитала. Первый такой период был связан с поисками путей быстрого экономического рывка страны в 1920-е гг. Одним из первых экономистов, предложивших свой взгляд на проблему первоначального накопления, стал Е.А. Преображенский. Он изложил свои взгляды в статье «Основной закон социалистического накопления» (1924 г.). По мнению Е.А. Преображенского, индустриализация должна происходить за счет источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства, т.е. в основном за счет эксплуатации и экспроприации крестьянства и мелких собственников. Мнение Е.А. Преображенского было подвергнуто сокрушительной критике. Главным критиком выступил Н.И. Бухарин, его замечания

были сосредоточены на том, что выводы Е.А. Преображенского, в случае их реализации, неизбежно приведут к «срыву рабоче-крестьянского блока».

Второй виток обсуждения проблем первоначального накопления в России был связан с периодом второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. В это время был сделан ряд публикаций как политэкономической, так и исторической направленности. Особенно интересной для осмысления истории первоначального накопления была дискуссия о первоначальном накоплении в России, организованная в Институте истории АН СССР в 1955 г. Заглавный доклад для дискуссии был подготовлен Б.Б. Кафенгаузом и назывался «О первоначальном накоплении в России». В своем выступлении Б.Б. Кафенгауз охарактеризовал первоначальное накопление как, в первую очередь, насильственные меры, резко ускоряющие накопление. Докладчик подчеркнул, что Россия переживала процесс первоначального накопления в условиях господства крепостного права, XVII–XIX вв., что значительно замедляло этот процесс.

Третий этап возвращения интереса к проблеме первоначального накопления капитала в России приходится на начало XXI века. Исследователи довольно единодушно относят к этому периоду 1990-е гг., когда происходит масштабный передел собственности. Однако практически все выводят из-под характеристики этого периода советское время. Например, профессор МГУ Е.В. Красникова отмечает, что предпринятая в 1917 г. попытка миновать стадию капитализма не удалась, такая задача оказалась непосильной для социализма. С этим мнением согласиться нельзя, так как в советское время довольно отчетливо наблюдаются процессы первоначального накопления капитала.

Суть процесса капиталистического переустройства в 1930–1980-е гг. состояла в осуществлении первоначального накопления, создании условий для крупного капиталистического производства. Классический сценарий первоначального накопления в нашей стране отличался форсированным характером и жесткостью действий власти. В историографии данный процесс совершенно неправомерно называется коллективизацией (повторяя догмы «Краткого курса “Истории ВКП(б)”»).

В процессах первоначального накопления капитала в СССР в 1930–1980-е гг. выделяется ряд крупных этапов, отличающихся серьезной спецификой.

Первый этап охватывает 1930–1950-е гг. Его начало связано с переломной точкой в формировании процессов форсированного первоначального накопления – так называемая коллективизация сельского хозяйства. В этот период было осуществлено изъятие средств производства у индивидуальных сельхозпроизводителей, создан рынок рабочих рук для работы по найму в промышленности и сельском хозяйстве (колхозники в этом смысле отличались большей спецификой). Консолидация ресурсов на данном этапе достигалась через широкомасштабное применение повинностных методов эксплуатации. Система повинностей полномасштабно действовала в колхозной деревне, где были законодательно регламентированы отработочные, натурально-продуктовые и денежные повинности. Частично повинностной системой были охва-

чены приусадебные хозяйства рабочих и служащих. В аграрной подсистеме движение продукта, средств труда, рабочих рук осуществлялось в основном вне классических рыночных механизмов, хотя «вынужденная» товарность нарастала. Уровень «безвозмездного» изъятия средств из сельского хозяйства составлял не менее 50%. Данный этап первоначального накопления с повинностными методами эксплуатации и неэквивалентным обменом позволил завершить переход к неаграрной экономике.

Этап 1960–1980-х гг. характеризуется победой капиталистической экономики. С 1960-х гг. экономический продукт становится производным в основном капитала. Крупнейшие экономические изменения, ставшие индикатором свершившейся капиталистической революции, произошли именно в аграрной подсистеме общества. Ушла в прошлое система повинностей, коренным образом изменился феномен товарности. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. вместе с реорганизацией МТС, отменой обязательных поставок сельхозпродукции, а затем введением заработной платы колхозникам идет становление рынка на продукты сельского хозяйства, средства труда, рабочие руки. Можно говорить, однако, о разрешении некоторых вопросов первоначального накопления и в это время. Например, только в 1974 г. стала действовать новая паспортная система, полностью «освободившая» колхозную деревню.

В период 1960–1980-х гг. главным вопросом, решавшимся в «постнакопительный» период, был вопрос о собственности. Данный этап государственного капитализма в СССР завершил формирование класса советской протобуржуазии. В начале 1990-х гг. буржуазная революция завершила окончательную концентрацию собственности на государственные капиталы в частных руках.

К.А. Гулин

(ООО «Русинтехком», г. Вологда)

Теория прав собственности и возможности ее применения для изучения вопросов развития российского общества второй половины XX века

Изучение проблематики собственности составляет одну из важных задач в исследовании развития российского общества второй половины XX века. Недостаточно эффективное управление государственной собственностью в интересах широких слоев общества стало одним из ключевых факторов, обусловивших внутреннюю уязвимость и неустойчивость советской экономической системы при всей внешней фундаментальности.

В отечественной историографии проблема зачастую рассматривается с позиций концепции «разделенной собственности», подразумевающей выделение прав владения, распоряжения и пользования объектами собственности. На наш взгляд, такой подход далеко не в полной мере способен отразить весь спектр взаимоотношений по поводу собственности, поскольку рассматривает их скорее с правовой, нежели с экономической точки зрения.

В поиске более адекватных методологических и прикладных инструментов исследования проблемы мы обратились к теории прав собственности (Р. Коуз,

А. Алчан, Г. Демсец, Д. Норт, Р. Познер и др.). В широком смысле теория трактует права собственности как определенные «правила игры», которые регулируют отношения между людьми по поводу редких ресурсов, в узком смысле – как «пучки правомочий», которыми располагают отдельные индивиды, вступающие в предметные отношения по поводу собственности. В теории прав собственности отношения собственности рассматриваются не как отношения индивидов (собственников) к объектам собственности, а как отношения между двумя и более индивидами по поводу объекта собственности. При этом, данные отношения могут регулироваться как государственно-правовой системой, так и неформальными правилами, традициями и т.д.

Одним из краеугольных камней теории прав собственности является т.н. «спецификация прав собственности», которая определяется как система исключений отдельных индивидов или их совокупностей из свободного доступа к ресурсам. Выделяются четыре основных правовых режима, различающихся по спецификации прав собственности: свободный доступ, коммунальная, государственная и частная собственность.

Учитывая специфику развития российского общества в советский период, характеризовавшуюся государственным монополизмом во всех сферах общественной жизни, первостепенный интерес для анализа представляет рассмотрение особенностей государственной собственности.

Государственная собственность формально выступает в качестве собственности всех членов общества. Такой подход был декларирован, в частности, в конституционных документах СССР. Преимуществом государственной собственности является создание т.н. «общественных благ», которые в силу разных причин не могут быть созданы частным сектором (оборона, охрана общественного порядка, инфраструктура и т.п.).

Однако в связи с масштабностью государственной собственности отдельные члены общества не могут непосредственно реализовать индивидуальные права на «свою» часть собственности. Возникают особые правомочия по управлению собственностью, которые делегируются представителям государственных органов, то есть должностным лицам.

Это, в свою очередь, порождает проблему, выражающуюся в специфических отношениях «принципала», в роли которого выступает общество, и «агента», в роли которого выступают государственные служащие. Интересы граждан, заключающиеся в получении общественных благ, и интересы государственных агентов, стремящихся к извлечению политической ренты, непосредственно не совпадают. Сложность адекватного учета общественного интереса приводит к тому, что мнение бюрократического аппарата об интересах общества и о целесообразном управлении собственностью трактуется им как интересы всего общества. Это можно видеть на примере отечественной истории в позднесоветский период, когда потребности широких слоев населения вошли в неразрешимое противоречие с политикой правящей номенклатуры.

Увеличение масштабов государственной собственности, с одной стороны, приводит к раздуванию

бюрократического аппарата, а с другой стороны, все более затрудняет контроль эффективности управления объектами собственности и предотвращение их использования в частных или групповых интересах. Масштабы государственной собственности в стране в советский период были такими, что возможности реального участия граждан в управлении ей были чрезвычайно ограничены. Практически не работали механизмы, снижающие риски неэффективного управления государственной собственностью и препятствующие ее использованию в интересах бюрократии (демократические процедуры, система общественного контроля).

На наш взгляд, реальная система отношений собственности, действовавшая в российском обществе во второй половине XX в., в экономическом смысле исследована недостаточно. Интерес представляет изучение, например, таких вопросов, как:

- взаимоотношения по вопросам реализации прав собственности внутри партийно-государственной номенклатуры, а также между политической и хозяйственной номенклатурой;

- взаимоотношения между государством и наемными работниками по вопросам использования объектов собственности и т.д.;

- выделение исторических этапов, различающихся по специфике социально-экономической политики, практики ее реализации и связанными с этим особенностями управления государственной собственностью;

- масштабы оппортунистического поведения, выразившегося в явном и неявном присвоении благ, связанном с реализацией правомочий по управлению собственностью и ее использованию и др.

Изучение этих вопросов, на наш взгляд, может внести существенную лепту в понимание трансформации российского общества и эволюции его экономического устройства во второй половине XX века.

А.Л. Кузьминых

(Вологодский институт права и экономики ФСИН РФ)

Территориальные органы внутренних дел советского государства: источниковедческий аспект проблемы

Важнейшую роль в механизме советского государства играли органы НКВД-МВД СССР. Очевидно, что изучение формирования и функционирования территориальных органов внутренних дел представляет большой научный интерес в контексте рассмотрения трансформации советского общества. Существенное значение при этом приобретает выявление и анализ комплекса источников по рассматриваемой проблеме.

Документы по истории территориальных органов НКВД-МВД Советского государства можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся законодательные и нормативные акты высших правительственных учреждений (Центрального исполнительного комитета СССР, Государственного комитета обороны, Совета народных комиссаров (Совета министров), Президиума Верховного Совета СССР, Центрального комитета ВКП(б)-КПСС) по вопросам, касающимся деятельности органов внутренних дел. Они позволяют выявить политическую линию высшего

советского руководства в отношении Наркомата (Министерства) внутренних дел, а также спектр задач, которые возлагались на органы внутренних дел.

Вторая группа источников представлена приказами, директивами и распоряжениями центрального аппарата НКВД-МВД СССР, регламентирующими порядок работы ведомственных подразделений, их штаты, полномочия и обязанности. Данная группа документов находится на хранении в Государственном архиве Российской Федерации, а также местных ведомственных архивах МВД-ФСБ. Документация центральных органов НКВД-МВД демонстрирует механизм кадровой политики, содержит информацию о структуре центральных и местных органов внутренних дел.

Третью группу источников составляет делопроизводственная документация территориальных органов НКВД-МВД. Сюда входят приказы, директивы и распоряжения региональных управлений НКВД-МВД СССР и входивших в их структуру отделов и отделений, а также докладные записки, отчеты, сообщения по вопросам служебно-оперативной деятельности. Эти документы дают возможность изучить механизм функционирования системы НКВД-МВД на местах.

Четвертая группа источников – архивно-следственные дела. Они содержат протоколы допросов подсудимых, приговоры военных трибуналов, кассационные жалобы осужденных, свидетельские показания. Эти источники позволяют определить категории лиц, привлекаемых к судебной ответственности, выявить основания для их осуждения, а также соотнести степень адекватности наказания с тяжестью совершенного преступления, т. е. изучить нормативно-правовой аспект деятельности органов внутренних дел.

Пятую группу источников составляют документы местных партийных и советских органов. Они содержат сведения о механизме управления органами внутренних дел, взаимоотношениях между партийным и ведомственным руководством. Протоколы заседаний партийных организаций, действовавших в структуре НКВД-МВД, также позволяют составить представление о характере и формах политико-воспитательной работы с личным составом.

К сожалению, исследователь не имеет возможности изучить весь пласт документов территориальных органов НКВД-МВД. Значительная их часть до сих пор находится на секретном хранении. В этой связи большое значение приобретают другие виды исторических источников, в первую очередь документы личного происхождения.

Мемуары и дневники по критерию авторства можно разделить на две группы: воспоминания сотрудников НКВД-МВД и воспоминания советских граждан. В своих воспоминаниях сотрудники органов внутренних дел повествуют об отдельных страницах своей профессиональной карьеры, раскрывают эпизоды борьбы с преступностью и т.д. Иной взгляд на систему НКВД-МВД представлен в воспоминаниях, дневниках, письмах советских граждан, в том числе репрессированных и осужденных. В них приводятся сведения о методах дознания и следствия, отношении тюремной и лагерной администрации к заключенным,

описан опыт лагерной жизни. Источники личного происхождения дают возможность проанализировать те аспекты деятельности органов внутренних дел, информация о которых, как правило, оставалась за пределами официальных документов.

Еще одной ценной группой источников являются материалы периодической печати. Они наглядно показывают деятельность идеологических структур советского государства по формированию образа сотрудника органов внутренних дел, демонстрируют пропагандистский подход к проблеме борьбы с преступностью в СССР.

В целом, рассмотренный комплекс документов позволяет всесторонне изучить процесс формирования и функционирования территориальных органов внутренних дел советского государства, их роль и место во взаимоотношениях власти и общества.

С.Г. Карпов

(Вологодский государственный университет)

Социальное расслоение как фактор роста преступности в постсоветской России

Трансформация социальной структуры в постсоветской России являлась сложным и многогранным процессом. Одним из ее проявлений стал заметный рост преступности. Если в 1987 г. в России было зарегистрировано 1185,9 тыс. преступлений, то в 1992 г. – уже 2760,7 тыс., а в 1999 г. – 3001,7 тыс. В XXI в. динамика преступности не имела четко выраженной тенденции. Она то возрастала до 3855,4 тыс. зарегистрированных преступлений в 2006 г., то сокращалась до 2404,8 тыс. в 2011 г. При этом уровень преступности в постсоветской России в 2–3 раза превышал уровень преступности в РСФСР во второй половине 1980-х гг.

Безусловно, преступность как сложное социальное явление имеет множество причин. Применительно к российскому обществу 1990-х гг. важнейшей причиной роста преступности стало усиление социально-экономического неравенства как следствие трансформации российского общества в условиях рыночных реформ и полукриминального раздела государственной собственности. Различное положение классов, социальных слоев и групп имеет объективный характер, поскольку определяется общественным разделением труда и усложнением структуры общества по мере его развития. В зависимости от положения тех или иных классов и социальных групп в общественном разделении труда происходит распределение материальных благ. Если при этом большая часть материальных благ достается меньшинству, у аутсайдеров возникает недовольство, зависть, протестные настроения, что может вылиться в разные формы, включая преступления как экономического, так и насильственного характера, что и наблюдалось в постсоветской России 1990-х гг.

Вторым фактором, оказавшим влияние на рост преступности в условиях трансформации социальной структуры, является степень различий, разрыва в возможности удовлетворения основных жизненных потребностей индивидов разных социальных групп. Учеными давно подмечено, что социальную неудов-

летворенность порождает не столько нехватка материальных благ, сколько различия в возможности их получения. Советское общество также было социально неоднородным, но разрыв в уровне удовлетворения витальных потребностей был не столь велик. Бесплатное образование, медицина, отсутствие безработицы в определенной степени нивелировали классовые различия. Кроме того, государство через общественные фонды потребления, перераспределяя материальные блага, поддерживало малоимущих. Работали так называемые социальные лифты, давая реальную возможность людям повысить свой социальный статус и улучшить материальное положение. Такая политика позволяла не допустить чрезмерной дифференциации социальных слоев и подкрепляла тезис о советском обществе как обществе социальной справедливости.

Действительно, в СССР децильный коэффициент, характеризующий степень неравенства, разрыва между элитой и аутсайдерами (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных слоев населения), не превышал 5 единиц. В постсоветской России данный показатель в 1993 г. составил 13,5, а в 2007 г. достиг 16,7. Затем децильный коэффициент несколько снизился и в 2017 г. равнялся 15,5. Индекс Джини, показывающий степень неравенства в распределении доходов населения, также свидетельствует об огромной дифференциации в доходах российских граждан. В 1992 г. он составлял в России 0,289, в 2007 г. достиг 0,422, в 2017 г. уменьшился до 0,412. В развитых странах индекс Джини значительно ниже: в Австрии – 0,309, в Германии – 0,283, в Японии – 0,249.

Третьим фактором, влияющим на криминогенную ситуацию, являются недостатки в социальной сфере общества. К ним относятся безработица, плохие условия жизни, недостатки в организации быта, социального обслуживания, отдыха, медицинского обеспечения, невозможность получения образования. Результатом этих противоречий являются алкоголизм, наркомания, психические заболевания, распад семей, что также провоцирует преступность.

Проблему неравенства в распределении доходов вынуждены признать и российские власти, поскольку она угрожает стабильности общества. По официальным данным в 2017 г. 19,3 млн граждан России имели доходы ниже прожиточного минимума. *В 2018 г. президент В.В. Путин обратился к Федеральному собранию, призвав в ближайшие 6 лет, как минимум, в 2 раза снизить уровень бедности в стране. Он также отметил, что нужно создавать современные рабочие места, которые приносят гражданам радость, достаток, позволяют реализовать себя.*

Таким образом, экономическое состояние общества и социальные отношения в нем непосредственно влияют на уровень преступности. Несмотря на объективный характер социальной дифференциации в любом обществе, государство должно не допускать значительного углубления социально-экономического неравенства разных социальных групп, осуществлять политику, направленную на повышение жизненного уровня всех категорий населения.

И.В. Кометчиков

(Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского)

Эволюция повседневности как отражение изменений в социально-экономическом устройстве советской деревни 1940-х – начала 1960-х гг.

Все более глубокое проникновение государственных капиталов в сельское хозяйство обусловило обособление социальных слоев, призванных обслуживать их циркуляцию. М.А. Безниным и Т.М. Димони обосновано выделение следующих классов населения советской деревни конца 1940-х – начала 1960-х гг.: протобуржуазия, менеджеры, интеллектуалы, рабочая аристократия, сельскохозяйственный пролетариат. Анализ эволюции их повседневности позволяет сделать следующие выводы.

Главной тенденцией можно считать углубление дифференциации повседневности основных классов деревни. Особенно глубокие различия пролегли между протобуржуа, представителями страт менеджеров и интеллектуалов, с одной стороны, и остальным населением деревни – с другой.

Проводниками этого процесса были, во-первых, государство, отзывавшееся на процесс усложнения сельхозпроизводства политикой по уточнению статуса страт, а во-вторых, сами страты, все более превращавшиеся в классы «для себя».

В авангарде перемен шел класс протобуржуа, представленный, в первую очередь, верхушкой районной номенклатуры. Его повседневность характеризовалась постепенным вытеснением в его статусе функций политических руководителей («комиссаров») функций собственников и управленцев. Важнейшим мотивом поведения протобуржуа в экономической сфере становится стремление обеспечить минимизацию издержек и максимизацию прибыли на своих предприятиях.

Пробуржуа в 1950-х – начале 1960-х гг. требуют от верховной власти новых прав, ссылаясь на невозможность эффективного управления усложнившейся экономикой при сохранении status quo. Это ярко проявилось в период реформ Н.С. Хрущева, сопровождавшихся проявлениями «местничества» и т.п. Усиливается «приватизация номенклатуры» – расширение права по своему усмотрению назначать и смещать работников подведомственного ее слоя. Снижается сменяемость кадров в высшем слое районных управленцев, корпусе руководителей колхозно-совхозного производства, намечается тенденция их воспроизводства из себя самих. Растет уровень их классового сознания и сплоченности.

Прогрессирует материальная обеспеченность протобуржуа. Ведение собственного личного хозяйства, прямое самоснабжение, распространенное в 1930–1940-е гг. в условиях тотального дефицита, заменяется механизмом получения статусной ренты со своих колхозов, совхозов и предприятий.

Менеджеры и интеллектуалы из «пятого колеса в телеге» с за частую непонятными на селе функциями превращаются в технических исполнителей воли протобуржуа, обеспечивающих реализацию их права собственности, его адаптацию к идеологии. Обычное их

поведение – лояльность вышестоящему руководству в обмен на заработную плату, премии и возможность использовать с неформального разрешения вышестоящих собственников подведомственные ресурсы. Пытавшиеся искать транслируемую сверху справедливость безжалостно изгонялись с работы и исключались из партии.

Торжество государственных капиталов постепенно приучает к рациональному экономическому поведению и большинство жителей деревни. Черты внутриколхозной «моральной экономики» 1940-х гг., когда критерием экономической целесообразности было выживание большинства, вытесняются тенденцией достижения оптимального сочетания собственных затрат и результатов. Так, распространенной моделью поведения становится переезд молодых и квалифицированных представителей сельской семьи в город с получением участка под усадьбу при оставлении в селе старшего поколения, хозяйство которого не облагалось налогами.

Меняется организация труда рядовых труженников. На смену семейной трудовой кооперации, характерной для мелких колхозов до начала 1950-х гг., в которых преобладал конно-ручной труд, приходит труд специализированный, кооперированный не по месту жительства и родственным связям, а по технологиям укрупненного колхозно-совхозного производства.

Непосредственных производителей окончательно отделяют от участия в управлении формально принадлежавшей им собственностью. Деревня перестает рассматривать обобщественное колхозное имущество как «свое». Крестьянская этика рядовых труженников превращается в этику наемных работников. При этом уровень классового сознания у пролетаризирующегося большинства был несравненно ниже верхушки. Оно часто осмысливало свое положение в системе координат заданной идеологией.

Таким образом, окончательное утверждение государственно-капиталистических реалий в социально-экономическом строе советской деревни к началу 1960-х гг. отразилось на углублении дифференциации повседневности деревни на основе классовых различий. Повседневный уклад жизни протобуржуа, а также обслуживающих их право собственности смежных социальных слоев противостоял повседневности представителей прочих классов деревни, закрепляя сформировавшиеся между ними межклассовые различия.

Р.А. Малахов

(Вологодский государственный университет)

Региональное чиновничество Советского государства в реализации права собственности: методология и источники

Необходимость методологического осмысления истории СССР сохраняет свою актуальность в современной исторической науке. Одна из ключевых точек зрения в историографии справедливо исходит из того, что с конца 1920-х гг. в Советском Союзе вступил в активную фазу процесс смены государственно-феодалного строя на государственно-капиталисти-

ческий. В литературе убедительно доказано, что понятия «государственный капитализм», «разделенное право собственности», «капитал как фактор производства» применимы для характеристики экономического строя Советского государства.

Одним из важнейших критериев, определявших положение человека в капиталистическом обществе, являлось его место в отношениях собственности. Главным показателем социального статуса человека становилась доля продукта, получаемая им в результате общественного производства. Эта величина зависела от объема капитала, которым обладал индивид.

Чиновничество в СССР представляло собой социальный слой, состоящий из групп, играющих различные роли в реализации права собственности. Владение, пользование, распоряжение собственностью в кругу руководителей органов власти, начальников управлений и отделов, «рядовых» ответственных работников имело свои отличия. Однако главное, что объединяло чиновничьи группы, – это наличие ресурсов для управления капиталом как фактором производства. В целом, аппарат власти имел многослойную стратификацию, в которой административный статус чиновника зависел от степени и масштабов его участия в реализации права собственности.

К источниковой базе исследования данной темы относятся различные группы документов и материалов. Пристального внимания заслуживают нормативные документы. Например, Программа КПСС, принятая на XXII съезде партии (1961 г.), нацеливала на материально-техническое (а по сути, капиталистическое) обновление экономического строя страны. Важную роль в разгосударствлении и декапитализации экономики сыграло законодательство СССР второй половины 1980-х гг. («Закон о государственном предприятии» 1987 г., «Закон о кооперации в СССР» 1988 г.). Эти документы свидетельствуют о начале нового (следующего) этапа эволюции социально-экономических отношений в России.

Существенное значение имеет делопроизводственная документация органов власти (протоколы заседаний отделов ЦК КПСС, отчеты и справки партийных органов). Обратимся к одному из ключевых событий 1950-х гг. В 1958 г. были упразднены машинно-тракторные станции (МТС). В опубликованных протоколах заседания Президиума ЦК КПСС за 1957 г. нашла отражение подготовка этого решения. Например, представлены записи выступлений первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. Упразднение МТС было направлено на расширение экономических возможностей сельхозпредприятий, на капитализацию их основных фондов. Это приводит к выводу о том, что в связи с переходом России от аграрного к индустриальному обществу существенно менялся механизм сельскохозяйственного производства.

Особое значение имеют документы личного происхождения (воспоминания, интервью). Например, большую ценность представляют опубликованные воспоминания о первом секретаре Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгине, мемуары председателя Вологодского облисполкома В.А. Грибанова, дневниковые записи генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, интервью с экс-президентом СССР

М.С. Горбачевым. Данные материалы раскрывают важные стороны личных, деловых и неформальных отношений в аппарате власти, в том числе по вопросам реализации права собственности.

В ходе дальнейшего исследования темы важно установить пути формирования, характерные черты трансформации культурного и социального капиталов чиновников. Необходимо проанализировать структуру бюрократического аппарата с точки зрения обладания управленцами разделенным правом собственности, установить место отдельных административных групп в процессах владения, пользования, распоряжения средствами производства и результатами труда, определить стратификацию правящего слоя.

И.В. Логунова

(Липецкий филиал Финансового университета, г. Липецк)

Трансформация социально-экономических укладов в российской деревне в условиях аграрного реформирования (1990–2001 гг.)

Реформирование аграрных отношений стало одним из ключевых направлений кардинальных преобразований, проводимых в России в 1990–2001 гг.

Сложившиеся в советский период в сельском хозяйстве структура государственных и кооперативных предприятий и система производства основывались на общественной (социалистической) собственности и не вписывались в контекст нового экономического курса, нацеленного на введение рыночных отношений. Поэтому важнейшей составляющей аграрных преобразований стало формирование качественно иной многоукладной производственной аграрной структуры путем проведения фермеризации и реорганизации колхозов и совхозов. На селе происходило становление новых форм собственности и хозяйствования: создавались крестьянские (фермерские) хозяйства, появлялись сельхозпредприятия новых организационно-правовых форм (товарищества, общества, кооперативы, ассоциации крестьянских хозяйств).

Большинство исследователей сходятся во мнении, что многоукладность является естественным условием функционирования сельского хозяйства. Некоторые из них, например В. Кузнецов, А. Шляхецкий, полагают, что в советский период многообразие укладов было уничтожено и право на существование получил лишь один – государственный уклад. Авторский коллектив монографии «Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия)», в частности С.А. Никольский, отмечают, что с началом коллективизации «органическая эволюция укладов прервалась», и применительно к этому периоду выделяют два уклада – государственно-кооперативный и крестьянско-потребительский, которые фактически слились в один «искусственно созданный “колхозно-совхозный” квазиуклад». По мнению М.А. Безнина и Т.М. Димони, в социалистическом сельском хозяйстве имело место сосуществование разных хозяйственных укладов – государственного (совхозы, МТС), колхозного и крестьянского.

В научной литературе имеется множество определений понятия «уклад», их анализ позволяет выявить два основных подхода к формулированию данного понятия. Один из них определяет уклад более узко – как систему производственных отношений (И.Н. Буздолов, Ю.И. Семенов), другой шире – как совокупность (систему) общественных отношений (С.А. Никольский, В.В. Бабашкин, Е.С. Строев, В.В. Устюкова, Т.А. Галиев).

Второй подход выглядит более убедительным. Он дает возможность трактовать уклад как устойчивую систему общественных отношений (отношений собственности, производственных, финансовых, идеологических, социокультурных), исторически сложившуюся в условиях функционирования определенного типа ведения хозяйства. При этом под типом ведения хозяйства следует понимать сочетание конкретной формы собственности и организационно-правовой формы хозяйственной деятельности.

Исследователями в научный оборот были введены различные варианты классификации социально-экономических укладов. Среди них: С.А. Никольский, О.П. Фадеева, Т.Г. Нефедова, В.В. Милосердов, З.В. Рыбина. Отличия данных классификаций обусловлены разными подходами к определению понятия «уклад» (о чем говорилось выше), а также критериями, положенными в их основу.

Так, С.А. Никольский для разделения укладов выбрал два основополагающих критерия: 1) ориентацию деятельности и 2) результат деятельности хозяйствующего субъекта (*т.е. производит ли он товар для личного потребления или для рынка*). Исходя из этого, по мнению автора, двухэлементная система укладов, существовавшая в СССР, в 1990-е годы трансформировалась в трехэлементную систему, включавшую в себя крестьянско-потребительский, крестьянско-товарный и предпринимательско-товарный уклады.

В основу классификации социально-экономических укладов может быть положен следующий комплекс критериев: 1) отношения собственности, 2) организационно-правовая форма хозяйствования, 3) состав субъектов уклада и условия их участия в хозяйственной деятельности, 4) цель хозяйственной деятельности (*получение прибыли или личное потребление*), 5) особенности производственных отношений.

Данные критерии позволяют говорить о существовании в советский период в сельском хозяйстве трех укладов – колхозного, совхозного и индивидуально-семейного (т.е. ЛПХ). В ходе аграрной реформы 1990-х гг. они были преобразованы в четыре качественно новых социально-экономических уклада – коллективно-предпринимательский (делится на два подуклада: корпоративный и кооперативный), государственный, индивидуально-предпринимательский (т.е. фермерский), индивидуально-семейный (подразделяется на два подуклада: мелкотоварный (ЛПХ, ориентированные на рынок) и индивидуально-потребительский (ЛПХ, обеспечивающие исключительно личное потребление)).

Трансформация социально-экономических укладов на селе неизбежно повлекла за собой и преобразование сельскохозяйственного социума.

А.С. Столетова

(Вологодский государственный университет)

Социологические и этнографические обследования как источник по трансформации общественных ценностей россиян второй половины XX в.

Во второй половине XX в. советское государство представляло собой эпицентр социальных потрясений. Безусловно, общественные ценности отражали уровень жизни и ее существенных изменений в 1950–1990-е гг. Общество 1990-х гг. отличалось от времени 1950-х гг. стремлением к накоплению имущества, появлению частной собственности.

Проблема ценностей – не нова в отечественной социологии, ее многообразные стороны исследуются уже значительный период и в т.ч. разрабатывались П.А. Сорокиным, А.Г. Здравомысловым, В.В. Радаевым. Изучением ценностных ориентаций в условиях общественных трансформаций занимались М.Н. Руткевич, Н.И. Лапин, Т.И. Заславская и др. Однако актуальность тематики не снижается. Многие ее составляющие остаются неясными в дискурсе об эволюции современного российского общества. Вопросы изменений в сознании, потребностях людей, трансформации идеалов деревенских жителей, в частности ставших горожанами, двигавшихся в своих настроениях к миру расслоений и распаду общественных связей (к менталитету накопления), остаются не изученными.

Массовые обследования стали проводиться в начале 1960-х гг. Так, Институт общественного мнения, учрежденный при редакции «Комсомольской правды», провел в 1960–1967 гг. опросы советской молодежи, на основе которых Б.А. Грушин выстроил иерархию ценностных ориентаций населения: благо Родины, народа; интересный, творческий труд; высокая мораль. Общечеловеческие ценности – это коллективизм, динамизм жизни, хорошая семья, интернационализм, образование.

С 1968 г. социологические изыскания вел Институт конкретных социальных исследований, преобразованный в 1988 г. в Институт социологии АН СССР. В его структуре было создано подразделение – Центр изучения общественного мнения. Собранные им материалы обнародованы в банке социологических данных Института социологии РАН и в Едином архиве экономических и социологических данных. С 1990-х гг. мониторингом трансформации социальной стратификации российского общества, эволюции ценностей и общественного мнения занимаются Центр изучения социокультурных изменений института философии РАН и Аналитический центр Юрия Левады.

Небезызвестно, что с 1933 г. функционирует под разными названиями Институт этнографии АН СССР (ныне – Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН). Основной направленностью научно-исследовательских работ учреждения является модернизация этнической культуры и социальной структуры общества. Характер влияния этнических отношений на социальную мобильность изучали А.А. Сусоколов, Р.Н. Музина, А.П. Новицкая и др. Тема семьи и семейно-брачных отношений народов СССР была популярна среди советских этнографов и освещалась в работах В.П. Иванова,

М.Б. Рогачева, М.Я. Устиновой и др. Исследования по этносоциологии и этнографии затрагивали вопросы имущественного положения крестьян, социально-экономического развития деревни, крестьянского быта. Данные проблемы отчасти раскрывались на страницах таких журналов, как «Этнографическое обозрение», «Советская этнография», газеты «Советская мысль».

Очевидна связь трансформаций общественных ценностей с социально-экономическим развитием общества. В данном отношении весьма показателен комплекс сборников трудов о советском образе жизни. Несомненный интерес представляет серия работ, характеризующих изменения потребительского идеала советских граждан. По свидетельству социолога Т. Щепанской, «джентльменский набор» «квартира–машина–дача» во второй половине 1980-х гг. стал для большинства городских обывателей престижным символом высокого статуса. К достижению эталона население начало приближаться в хрущевские времена, во время массового жилищного строительства. Дачи стали способом возвращения к деревенским корням и приобретения дополнительного источника продуктов питания. С конца 1980-х гг., когда было легализовано мелкое частное предпринимательство, началось постепенное имущественное расслоение общества, произошел сдвиг в частнособственнических настроениях. Таким образом, с одной стороны, государство стремилось обеспечить гражданам комфортные условия жизни. С другой стороны, официальная пропаганда осуждала чрезмерное стремление к материальным ценностям как несовместимое с идеалами коммунизма. В печати, литературе и кинематографе подобные явления регулярно подвергались критике.

Подводя итог, отмечу, что вопрос о социально-экономической динамике и трансформации ценностей российского общества имеет важнейшее перспективное значение, возможен и необходим его анализ и в т.ч. дальнейший научный поиск источникового материала по проблеме.

О.В. Кошко

(Вологодский государственный университет)

Я хочу поблагодарить Михаила Алексеевича за то, что он собрал людей, которым эта тема интересна. Она интересна не только историкам. Мои симпатии на стороне междисциплинарного подхода: именно здесь возможно приращение знания. Институционализм отражает то, что в России уже более двадцати пяти лет как появились и существуют конкурентные рынки (то есть основы институтов созданы), однако проблема в том, что институциональные условия раз-

личных секторов слишком различаются и эти различия воспроизводятся. Последнее приводит к возникновению институциональной ренты в отдельных секторах экономики (в связи с провалами рынка), благодаря чему уровень и возможности одних существенно опережают другие отрасли в своем развитии. Именно междисциплинарный подход позволяет вновь вернуться к развитию теории воспроизводства, которая сейчас практически забыта и невостребованна, в то время как в 70–80-е годы она была главной темой экономических исследований.

Хочу отозваться о ряде выступлений. В докладе М.А. Безнина особенно аргументированным показалось положение о трансформации сущностных форм капитала и вывод о том, что существование скрытой формы капитала подтверждает ее дальнейшая приватизация. Однако здесь требуется, с точки зрения экономического анализа, упоминание фундаментального экономического понятия «стоимость». Выступление Т.М. Димони касалось темы, связанной с первоначальным накоплением капитала. Хотелось отметить, что последствия этого процесса и особенности его сказались на том, что и через двадцать пять лет реформирования в России нет денег на инвестиции. Хочу привести пример: если взять главную работу Дж.М. Кейнса, то даже там можно найти (правда, в сносках), что есть только две страны, где сбережений больше, чем инвестиций (то есть не все сбережения становятся инвестициями) – это Турция и Россия. Возможно, сегодняшние особенности инвестирования и лежат в проблемах первоначального накопления и специфике его формирования тех лет. С уверенностью можно сказать, что и сейчас у нас главная проблема в экономике – проблема капиталообразования. И чтобы выйти из кризиса – ее надо решить. Хотелось задать вопрос по поводу выступления В.В. Кондрашина. Виктор Викторович, в Вашей последней статье в журнале «Российская история» отмечается, что крестьяне не стали защищать ни колхозы, ни советскую власть, их создавшую. И это был закономерный итог для строя, возникшего вопреки воле крестьян. Вы подчеркиваете, что этот строй был основан на принуждении и в самую последнюю очередь считался с интересами тружеников. И именно поэтому в 1990-е годы был предотвращен тот социальный взрыв, который породила политика шоковой терапии. Поясните, пожалуйста, Вашу логику и аргументацию. Почему все именно так? В выступлении К.А. Гулина я не со всем согласна, не везде устроила аргументация, в докладе Р.А. Малахова очень понравились и методология и логика выступления.

Обзор подготовил М.А. Безнин

**TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY IN 1950–1990:
METHODOLOGY, CONCEPTUAL FRAMEWORK, SOURCES.
METHODOLOGY SEMINAR, VOLOGDA STATE UNIVERSITY (JUNE 14–15, 2019)**

The research is supported by the grant of Russian Science Foundation No 19-18-00269

The methodology seminar devoted to the study of transformation of Russian society in the 1950s-1990s was held at Vologda State University on 14-15 June, 2019. The participants discussed methodology problems, conceptual framework and sources for the researches. 25 scholars from a number of universities participated in the seminar. Vologda State University was represented by M.A. Besnin, Doctor of History, T.M. Dimoni, Doctor of History, S.G. Karpov, Candidate of History, A.S. Stoletova, Candidate of History, O.V. Koshko, Doctor of Economics, N.A. Yastreb, Doctor of Philosophy, R.A. Malakhov, Candidate of History. The participants from other universities and organizations: V.V. Kondrashin, Doctor of History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; T.V. Uskova, Doctor of Economics, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences; A.L. Kuzminykh, Doctor of History, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia; I.V. Kometchikov, Candidate of History, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky; I.V. Logunova, Candidate of History, Lipetsk Branch of the Financial University; K.A. Gulin, Doctor of Economics, OOO «Rusintekhcom»; A.I. Trofimova, Candidate of History, Vologda College of Communications and Information Technologies. An overview of the reports is provided below.

Soviet society, the latter half of the 20th century, transformation, methodology of study.